

художественного описания людей, событий, пейзажа, а есть только эмоционально-образное отражение, преломленное в призме субъективных ощущений автора. Вместе с тем в поток этого отражения вкрапливаются и отдельные реалии. Так, например, в стихотворении «Богине Невы» мы встречаемся с вполне конкретным образом, который и привлек внимание Пушкина: человек, опирающийся на гранит набережной. То же самое относится и к описанию сказочной героини стихотворения — Богини Невы:

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.¹⁴

И здесь, создавая поэтическую картину, Муравьев опирается на конкретную деталь. Эту же деталь он использует в другом стихотворении и в другом контексте. Он обращается к своей сестре:

Явись, как легкий утроем пар,
Взносящийся от невских токов...¹⁵

Остановимся еще на одном отрывке из стихотворения «Богине Невы», помогающем представить другие черты «легкого стихотворства»:

Полон вечер твой прохлады,
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады,
Глас проносится волной.¹⁶

В этом четверостишье примечательна каждая строка: удивительная музыкальность первой, напоминающей стихи Батюшкова и даже Пушкина, смелая образность второй, несовместимая своей фактической алогичностью с канонами поэтики Сумарокова—Хераскова, «волшебная серенада» третьей и четвертой строк, которая, «переносясь волной», будет настойчиво звучать далее в русской поэзии.

Имел ли Муравьев отчетливое представление о теории «легкого стихотворства», практику которого он так успешно разработывал? Вероятнее всего, — самое смутное. Но это и не удивительно, если учесть, что даже Батюшков в своей известной «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (в которой, кстати, вполне естественно большое место отводится Муравьеву) так же

¹⁴ М. Н. Муравьев, т. 1, стр. 37.

¹⁵ Там же, стр. 57.

¹⁶ Там же, стр. 36.